

Когда Гоудань и Ван Сюань проснулись после полуденного сна, оказалось, что старая госпожа Ли так и не ушла. Гоудань тут же помрачнел.

— Ты что, отца в могилу свести решила? — недовольно буркнул он. — Не видишь, как он умаялся? Всё тарахтишь и тарахтишь без умолку. Если так поболтать охота, ступай к себе домой и там чеши языком!

— Хватит выть, — оборвал её Гоудань, потемнев лицом.

Намечавшийся плач старуха судорожно сглотнула, так и не дав ему вырваться наружу. Она прекрасно понимала: этот приёмш без колебаний вышвырнет её за ворота. Устраивать истерики перед внуком, у которого нрав был круче некуда, она всё же побаивалась.

На ужин Ван Сюань разогрел оставшееся с обеда мясо и приготовил освежающий салат из битых огурцов. За столом все трое сидели молча, уплетая еду в гулкой тишине.

На следующее утро Гоудань заметил, что отец ночью почти не смыкал глаз. Во дворе высилась аккуратная поленница свеженаколотых дров, а утренняя каша к завтраку успела совсем остыть — явно варилась ещё затемно. Гоудань вздохнул: тяжело отцу, годы уже не те...

Быстро позавтракав, они позвали с собой нескольких надёжных деревенских ребят — из тех, кто умел держать язык за зубами и не любил пустой трёп, — и отправились в путь.

— Кто-нибудь знает дорогу до деревни Сяопинъюань? — спросил Гоудань. За всю свою жизнь он ни разу не бывал у родни по материнской линии — разве что в глубоком младенчестве, от которого не осталось и следа в памяти.

— Я знаю, — отозвался один из парней. — Сначала поедem на автобусе, сойдём на полпути, а там пешком топать примерно час с небольшим.

— Вот и ладно, веди.

Первым делом заглянули в посёлок, чтобы припасти еды в дорогу. Гоудань беспокоился, что путь неблизкий и они проголодаются, так что стоило запастись водой и нехитрой провизией. Заодно прикупили гостинцев — наверняка пригодятся, когда придут на место.

Сам Гоудань толком не понимал своего состояния. Вчера новость о матери ошеломила его, показалась невысказанной, но сегодня на душе было на удивление спокойно. Это полное равнодушие даже озадачило Ван Сюаня, который весь день ходил вокруг него на цыпочках, не зная, радоваться другу или сопереживать. Однако, понаблюдав за ним, Ван Сюань понял, что Гоудань не грустит и не тревожится: аппетит у него отменный, спит крепко, да и вообще выглядит совершенно обыкновенно.

Свое название Сяопинъюань — деревня Малая Равнина — получила из-за рельефа. В отличие от Сиканя, где кругом тянулись овраги, балки да косогоры, здешние места славились ровной землёй. Посёлок Пинъюань, к которому относилась деревня, считался самым благополучным в округе именно благодаря обилию пахотных угодий.

Впрочем, сама деревня лежала поодаль от посёлка, затаившись в небольшой горной котловине. Окружённая с трёх сторон поросшими лесом хребтами, она раскинулась на абсолютно плоском дне долины.

Посёлок Пинъюань граничил с Чангтяо, за которым сразу начинался их родной Сяньгоу. Так что на автобусе ехать было совсем недолго.

— И откуда ты так хорошо знаешь эти края? — спросил Гоудань у одного из товарищей.

Тот усмехнулся, пожав плечами:

— Так у меня жена оттуда родом! Когда я свадьбу играл, ты уже в столице в университете учился, а то обязательно позвал бы тебя невесту выкупать. Честно говоря, я и сам не знал, что твоя родня по матери живёт в той же деревне.

Надо же, какие причудливые узоры порой плетёт судьба. Мир действительно тесен до абсурда.

Сменив три автобуса, парни наконец сошли на пыльной обочине посреди незнакомых полей. Один из ребят осмотрелся по сторонам и с сомнением протянул:

— Сяоху, это ещё что за глухомань? Смотри, завезёшь нас к чёрту на кулички да продашь в рабство.

— Кому ты нужен? — фыркнул Сяоху. — Жрёшь больше, чем работаешь, на такого покупателя днём с огнём не сыщешь.

Отшутившись, он повернулся к Гоуданю:

— Брат, теперь пешком топать с полчаса. Хоть долина у них ровная, но из-за гор деревня стоит особняком, девчат неохотно замуж отдают в чужие края. Несколько лет назад тут проложили новую дорогу, так хоть цивилизация до них дошла. Дойдём быстро, и тридцати минут не пройдёт.

Для молодых деревенских парней, привыкших к тяжёлому крестьянскому труду, получасовая прогулка была сущим пустяком. Но дурачиться и хохотать они перестали — все понимали, что дело предстоит серьёзное и деликатное.

Пока шли, Гоудань расспрашивал Сяоху о местных порядках, и незаметно для них за деревьями показались первые деревенские дома.

Здесь и правда было на редкость плоско. Никаких тебе рытвин, оврагов или болот, как в Сикане, — ровные, ухоженные поля тянулись до самых подножий гор.

Среди зелени полей живописно выделялись скопления крыш и купа ветвистых деревьев. Кое-где даже виднелись добротные дома, крытые серой черепицей — верный знак достатка.

У околицы парни дружно остановились и невольно покосились на Гоуданя. Тот замер, глядя вдаль. Ещё вчера известие казалось ему чужим и далёким, но сейчас, когда до разгадки оставалось сделать всего несколько шагов, ноги вдруг налились свинцом.

Кавалькада крепких молодых парней на въезде в деревню сразу привлекла внимание местных. Крестьяне, работавшие на ближнем поле, с любопытством поглядывали на чужаков, а один пожилой мужчина не выдержал и окликнул их, интересуясь, откуда они и по какому делу.

Сяоху, парень речистый и бойкий, тут же шагнул вперёд и с широкой улыбкой объяснил, что пришёл навестить тестя с тещей и принёс радостную весть — молодая жена наконец-то понесла. Крестьянин заулыбался, поздравляя «молодого зятя», и расспросы прекратились.

— Ну, пошли, — тихо скомандовал Гоудань.

Где искать дом родни по матери, Гоудань не представлял. Сяоху взял приготовленные Гоуданем конфеты и гостинцы и сначала повёл всех к своей новой родне, чтобы заодно расспросить о семье Чжу Лаолю — сам он их толком не знал.

Вскоре из ворот дома Сяоху вышла женщина средних лет — старшая невестка в семье его жены. Смерив Гоуданя долгим, оценивающим взглядом, она спросила:

— Ты и правда сын Немой тётушки?

Гоудань молча кивнул.

— Тот самый, что в университете учится?

Он снова кивнул.

Женщина всплеснула руками и с досадой хлопнула себя по бедру:

— Ах, грех-то какой! Чжу Лаолю и его семейка совсем совесть потеряли — такого парня

вырастили и знать не хотели! Ишь, какой богатырь вымахал... Ну, раз уж пришёл, значит, сыновний долг помнишь. Ступай за мной, отведу тебя к матери.

Они долго петляли по узким деревенским улочкам, пока на самом краю деревни, под раскидистым старым деревом, не показалась убогая лачуга. Собранная на скорую руку из сухих веток, дырявых досок и каких-то обрезков фанеры, стянутых гнилыми верёвками, эта хибара едва держалась. Было ясно, что первый же сильный ветер или ливень разнесёт её в щепки, не говоря уже о лютых зимних холодах.

Гоуданю сдавило грудь от жалости и гнева. Будь он проклят, но даже конура его собак, Дагуай и Сяогуай, была в сто крат прочнее и теплее этого недоразумения.

На душе у него поднялась буря. Когда-то, будучи ребёнком, он часто думал о матери: где она теперь, как живёт, вспоминает ли о сыне? В его памяти она осталась кроткой, вечно молчаливой женщиной, которая с утра до ночи трудилась без минуты отдыха.

— Пусто... Ах, голова моя садовая! — женщина хлопнула себя по лбу. — Наверняка опять у кого-то на подёшшине спину гнёт. Погодите здесь, я мигом разужнаю, к кому она сегодня нанялась.

И она так же стремительно умчалась прочь.

Товарищи Гоуданя притихли, не решаясь нарушить тишину. Ван Сюань молча стоял рядом, понимая, что любые утешения сейчас прозвучат фальшиво и глупо. Ожидание тянулось мучительно долго. Гоудань неподвижно смотрел на жалкий шалаш, пока от этого зрелища у него не защемило в глазах.

Наконец в конце улицы показалась проводница, за которой семенила согбенная женская фигура.

— Немая тётушка, гляди, кто пришёл! Сын твой приехал за тобой! Посмотри, какой красавец вымахал! — громко запричитала женщина.

Подойдя ближе, она повернулась к парню:

— Сынок, это твоя мать.

Она попыталась схватить его за руку, но Гоудань мягко отстранился. Он во все глаза вглядывался в исхудавшую, почерневшую от солнца и тяжёлой работы женщину, стоявшую перед ним, тщетно пытаясь отыскать в ней черты той, которую помнил с детства.

Женщина вела себя крайне робко. Она то и дело вытирала узловатые, огрубевшие ладони о подол застиранной куртки, приоткрывала рот в беззвучном порыве и со страхом смотрела на

статного незнакомца, которого называли её сыном.

Оба они всматривались друг в друга, пытаясь сквозь пелену прожитых лет разглядеть знакомые образы. Но время безжалостно изменило их обоих.

Если бы не эти глаза — и это характерное беззвучное шевеление губ, — Гоудань ни за что не признал бы в ней родную мать. Чертами лица она была непримечательна, но её взгляд всегда отличался особой глубиной и живостью, словно глаза говорили за неё. Именно эта деталь навсегда врезалась в память мальчика. Сам Гоудань, впрочем, унаследовал материнские глаза лишь отчасти, больше походя лицом на отца, Ли Сы.

Дрожащие пальцы женщины сложились в быстрый жест: «Вырос... Какой же ты стал большой...»

Она робко потянулась рукой к его голове, как делала когда-то в детстве, но парень оказался слишком высоким.

В её памяти он остался худеньким, чернявым мальчуганом с несуразно большой круглой головой — из-за этого она когда-то чуть не умерла при родах. Сама она была немой, Ли Сы — неразговорчивым, зато сынишка рос горластым и бойким. Стоило свекрови поднять на неё руку, как маленький Гоудань тут же поднимал крик на всю деревню, сквозь слёзы призывая соседей и всю честя злую бабку.

Теперь перед ней стоял сильный, широкоплечий мужчина. В последние дни до неё долетали деревенские толки: мол, глупая Немая тётушка лишилась своего счастья, бросила сына, а тот выбился в люди и поступил в столичный университет. Она радовалась за него втихомолку, даже не думая докучать своим присутствием. И вот он сам нашёл её... Неужели не побрезговал матерью, которая когда-то так опозорила его?

От этих мыслей из её потускневших глаз покатались слёзы. Она плакала беззвучно, лишь плечи мелко подрагивали.

У Гоуданя защемило сердце. Если бы они случайно разминулись на дороге, то прошли бы мимо, даже не взглянув друг на друга. Может ли быть на свете удел печальнее этого?

— Мама, — негромко позвал он.

Женщина вздрогнула всем телом. Она во все глаза уставилась на него, будто сию минуту хотела верить услышанному, а затем разрыдалась ещё отчаяннее.

Она отчаянно замахала руками, беззвучно жестикулируя. Гоудань смутно понял смысл её знаков: «Я плохая мать... мне нет прощения... у меня нет права называть тебя сыном». Он и сам удивился, как легко вспомнил этот безмолвный язык — видимо, детская память оказалась

прочнее, чем он думал.

Он замялся, не зная, какие слова подобрать. За полтора десятка лет разлуки былая привязанность почти стёрлась, уступив место глухой пустоте, но глубоко внутри каждого человека живёт неистребимая тоска по материнскому теплу.

— Мама, почему ты не пришла ко мне, когда вернулась в эти края?

Женщина покачала головой и быстро показала руками: «Я больше не принадлежу к семье Ли. Мне туда дороги нет».

— Но ведь бабушка сама выгнала тебя и отрёклась от собственной дочери?

— Эх, сынок, твоя бабка преставилась ещё несколько лет назад, — вставила слово стоявшая рядом невестка. — Теперь всем в доме заправляет твоя тётка.

Вот оно что.

— Тётка твоя заявила, будто Немая тётушка для них давно покойница, — продолжила женщина.

На самом деле слова её невестки были куда грязнее и злее, но пересказывать их сыну кумушка не решилась — побоялась греха.

А ведь когда-то Немая тётушка не раз прибегала в родительский дом, умоляя о помощи, плачась, что свекровь и муж заездили её до полусмерти. Да только родные братья тогда и рта не раскрыли в её защиту — стояли хмурые, пряча глаза. Снохи же в один голос твердили: раз уж вышла замуж, терпи, нечего повадиться бегать назад, позорить семью. В конце концов несчастная перестала просить защиты. А потом и вовсе сбежала с чужаком.

— Я пришёл, чтобы забрать тебя отсюда, — твёрдо произнёс Гоудань.

Женщина испуганно затрясла головой и замахала руками: «Нельзя мне с тобой... Опозорю тебя перед людьми».

— Ты посмотри на своё жилище! — Гоудань указал на шалаш. — Разве здесь можно жить? Скоро наступят холода, а у тебя ни тёплой одежды, ни одеял. Ты же просто замёрзнешь!

— Много ли ты наработаешь на чужих людей за гроши? Не бойся, в дом к отцу я тебя не поведу, обустрою отдельно. Я сейчас хорошо зарабатываю, прокормлю вас без труда. Но оставаться здесь я тебе не позволю.

Мать жестикулировала, сын отвечал вслух — со стороны казалось удивительным, как эти двое, не видевшиеся столько лет, без труда понимают друг друга.

Но как ни убеждал её Гоудань, Немая тётушка упрямо качала головой.

Видя, что разговор зашёл в тупик, Ван Сюань решил вмешаться. Он давно приметил двух испуганных ребятшек, боязливо выглядывавших из-за спины женщины. Шагнув ближе, он мягко произнёс:

— Тётушка, зима не за горами. Если не думаете о себе, подумайте о них... о младших брате и сестре Гоуданя. Им ведь учиться нужно, подрастут — семьи создавать. Разве в такой нищете вы сможете дать им будущее?

Слова Ван Сюаня заставили обоих вздрогнуть. Гоудань перевёл взгляд на детей. В суматохе он совсем забыл, что у матери теперь другая семья и у него есть единоутробные брат и сестра.

Заметив его пристальный взор, Немая тётушка совсем растерялась и попыталась прикрыть детей собой, пряча их худенькие плечи.

В груди у Гоуданя шевельнулась глухая, ревнивая обида. Одно дело — знать о существовании чужих детей где-то далеко, и совсем другое — видеть их воочию рядом со своей матерью. В душе невольно вскипело глухое отторжение к этим невольным соперникам за материнскую любовь.

<http://bllate.org/book/19654/1996827>